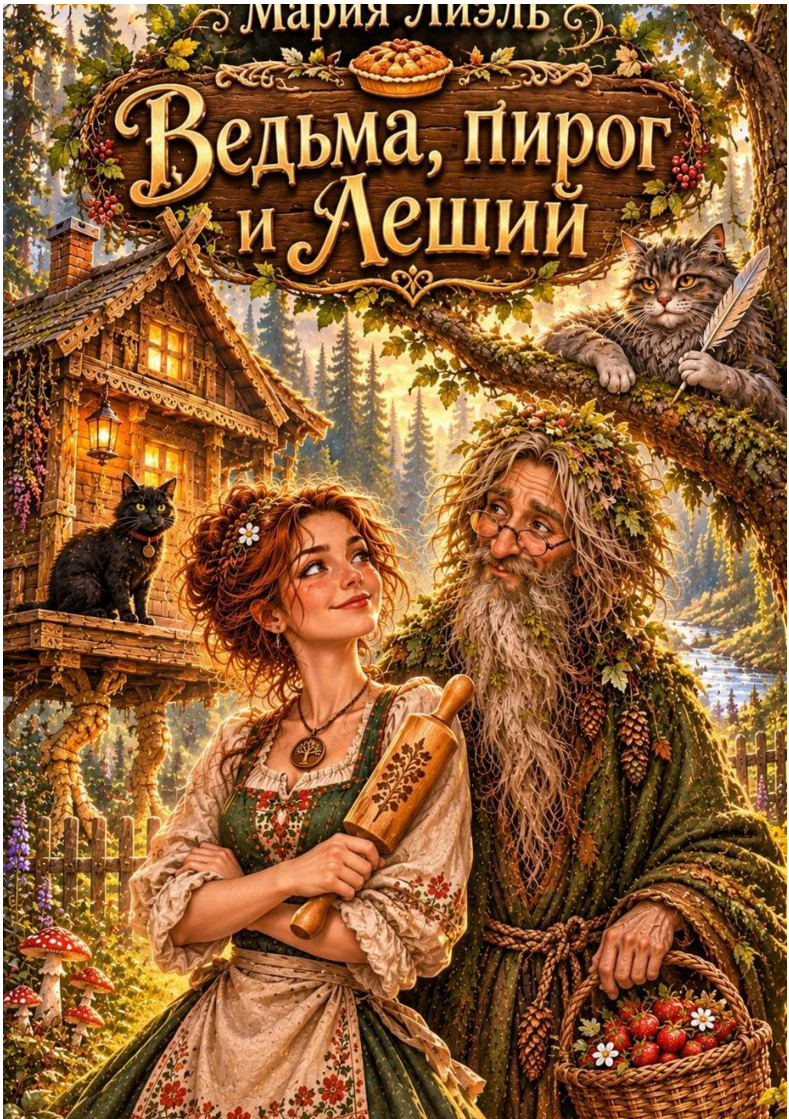
Мария Лиэль
Ведьма, пирог и Леший

Мария Лиэль

"Ведьма, пирог и Леший"

https://litres.ru/74995397
SelfPub; 2026

Аннотация

Ася проиграла спор и уехала в Заповедный лес — на месяц, одна, без людей. С собой — скалка, тетрадь с рецептами и пирог с капустой. Она думала, что это будет худший месяц в её жизни.

Оказалось, это будет лучший год.

Потому что в лесу живёт изба, которая убегает от незнакомцев. Леший, который плачет в очки. Водяной, который поёт фальшиво, но с душой. Кикимора, которая требует мёд и уважение. Русалки, которые не хотят убирать мусор. И кот Баюн, который записывает всё в летопись — плохими стихами, но смешными.

Ася не собиралась никого спасать. Она просто пекла пироги. И слушала. И постепенно лес, который казался чужим и страшным, стал домом.

Это тёплая, смешная и немного волшебная история о том, что нечисть — не злая, а обиженная. Что пирог может помирить кого угодно. И что иногда, чтобы найти своё место, нужно просто остаться.

Содержание

Пролог: «Спор» 4
Глава 1: «Изба, которая не хотела» 13
Глава 2: «Первая ночь» 21
Глава 3: «Леший, который потерял посох» 29
Глава 4: «Земляничный пирог и первый гость» 38
Глава 5: «Водяной, который обиделся» 46
Конец ознакомительного фрагмента. 50

Мария Лиэль
"Ведьма, пирог и Леший"

Пролог: «Спор»

Академия магии города Светлояра гордилась тремя вещами: своей библиотекой, своим садом и тем, что за последние сто лет её выпускники не сожгли ни одного города. Последнее считалось особенно важным.

Ася закончила академию весной. С отличием — по травничеству, зельям и бытовым чарам. С тройками — по боевой магии, предсказаниям и всему, что требовало от ведьмы решительности, громкого голоса и желания кого-нибудь спасти. Ася никого спасать не хотела. Ася хотела спать до полудня, печь пироги по воскресеньям, и чтобы никто не трогал её любимую скалку — ту самую, с выжженным на ручке цветком, которую ей подарила бабушка.

Бабушка же и научила её главному: «Ведьма — это не та, что кидается молниями, Асенька. Ведьма — это та, у кого в доме всегда пахнет хлебом, и никто не умирает от простуды».

Ася считала, что это очень разумная жизненная философия.

Она сняла маленькую комнату на окраине Светлояра —

с печкой, скрипучей кроватью и окном, выходящим на яблоневый сад. В комнате пахло сушёными травами, воском и немного — вчерашними пирогами. На полке стояли банки с мёдом, на подоконнике сохли пучки мяты, а на столе лежала толстая тетрадь в кожаном переплёте — книга рецептов, которую Ася вела с четырнадцати лет. Там были бабушкины записи, её собственные эксперименты, заметки на полях («не жалей мёда», «если тесто не подходит — поговори с ним»), засушенные лепестки между страниц и одно пятно от вишнёвого варенья, которое она так и не смогла вывести.

С Мартой они дружили с первого курса, когда обе провалили экзамен по боевым чарам — Ася потому, что уснула на теории, а Марта потому, что вместо учебника принесла на экзамен роман про пиратов и увлечённо читала его, пока преподаватель ждал ответа. С тех пор они были неразлучны: Марта таскала Асю на все вечеринки, а Ася таскала Марту на все завтраки.

Марта была ведьмой боевой, громкой и уверенной в себе настолько, что иногда казалось, будто она сама не до конца понимает, откуда в ней столько уверенности. Она умела входить в комнату так, что все оборачивались, и говорить так, что все соглашались. Ася, наоборот, умела входить в комнату так, что её замечали только когда она доставала пирог. Их дружба держалась на простом обмене: Марта защищала Асю от мира, а Ася кормила Марту и не давала ей сойти с ума от собственной решительности.

— Ты понимаешь, что это безумие? — спросила Марта, развалившись в кресле в Асиной комнате. — Целый месяц. В лесу. Без бань. Без рынка. Без людей.

— В лесу есть река, — сказала Ася, укладывая в сундук скалку. — И баня. Где-то там есть баня.

— Ася. Ты не выдержишь и недели.

— Выдержу.

— Ты в прошлом месяце не выдержала двух дней без горячей воды и вернулась домой пешком через весь город.

— Это было принципиально, — сказала Ася. — У них отключили котёл. Я не обязана мыться холодной водой, я ведьма или где?

Марта вздохнула так, как вздыхают люди, которые точно знают, что правы, и страдают от того, что собеседник этого не понимает.

Спор начался с ерунды. Ася сказала, что хочет отдохнуть после академии — посидеть в тишине, почитать, поварить зелья для себя, а не для экзамена. Марта сказала, что «отдохнуть в тишине» — это то, что говорят люди, которые боятся жизни. Ася сказала, что бояться жизни — это разумно, потому что жизнь, как правило, состоит из неприятностей. Марта сказала, что Ася — самая ленивая ведьма, которую она знает. Ася сказала, что лень — это двигатель прогресса, потому что именно ленивые люди придумали подушки и колесо.

Слово за слово, чай за чаем — и вот уже Марта стоит по-

среди комнаты, уперев руки в бока, и говорит:

— Спорим. Месяц в Заповедном лесу. Одна. Без людей. Только ты и нечисть. Если выдержишь — я мою посуду за тобой целый год. Если нет — ты отдаёшь мне свою тетрадь.

Ася замерла с пирогом в руке.

— Тетрадь? — переспросила она.

— И скалку, — сказала Марта. — Ту самую. С цветком.

Ася посмотрела на скалку. Та лежала на столе, спокойная, деревянная, с выжженным цветком на ручке. Бабушка выжигала этот цветок сама, зимой, когда Асе было девять. Она помнила, как бабушка держала её руку своей — сухой, тёплой — и говорила: «Смотри, Асенька, цветок не должен быть ровным. Ровные цветы — они неживые».

— Это шантаж, — сказала Ася.

— Это пари, — сказала Марта. — Ты просто боишься.

Ася боялась. Не леса, не нечисти, не темноты. Она боялась, что Марта права. Что она действительно не выдержит. Что она вернётся через три дня, и Марта будет смотреть на неё с этой своей уверенной улыбкой, и Ася снова будет чувствовать себя маленькой и нелепой — как в тот день, когда уснула на экзамене, а Марта вытащила её из аудитории под руки, пока преподаватель делал вид, что ничего не замечает.

Она не любила чувствовать себя маленькой и нелепой. Она любила пироги. Она любила свою скалку. Она любила, когда всё спокойно.

— Ладно, — сказала Ася. — Месяц. Но если я вернусь

живой и с рецептами — ты моешь посуду. Год. Без нытья.

— Без нытья, — согласилась Марта. — Но ты не вернёшься.

— Посмотрим.

Сборы заняли два дня. Ася складывала вещи медленно, с толком, как бабушка учила: «Собираешься в дорогу — думай о том, что будешь есть и на чём спать. Остальное приложится».

В сундук легли: котёл, травы, скалка, книга рецептов, тёплое одеяло, три пары носков, свечи и маленькая чугунная сковородка. Сверху Ася положила мешочек с солью, узелок с сушёными грибами и маленькую баночку мёда — на случай, если придётся кого-то задабривать. Марта смотрела на это с непонятным выражением лица.

— Ты собираешься в лес как на дачу.

— А что, в лесу нельзя жить как на дачу?

— В лесу живёт нечисть.

— Нечисть тоже люди, — сказала Ася и тут же поправилась: — Ну, не люди. Но тоже хотят есть.

Марта закатила глаза. Ася улыбнулась и достала из печи последний пирог — с капустой, большой, румяный, ещё горячий. Она завернула его в полотенце и положила сверху на сундук.

— Это зачем? — спросила Марта.

— На всякий случай, — сказала Ася. — Вдруг там кто-то голодный.

Выехали на рассвете. Небо было серым, с розовыми полосами у горизонта, и город ещё спал — только петухи перекликались где-то за стенами, да колодезный журавль скрипел на ветру. Ася сидела на телеге, свесив ноги, и смотрела, как дома Светлояра уплывают назад, становясь всё меньше и меньше. Марта вызвалась проводить до развилки — «чтобы убедиться, что ты действительно поехала, а не сбежала домой».

Дорога шла сначала по тракту — широкому, наезженному, с колеями от купеческих возов и редкими верстовыми столбами. По обочинам стояли берёзы, уже начавшие желтеть, и пахло пылью и лошадиным потом. Возница, старик с бородой до пояса и руками, похожими на корни, всю дорогу молчал. Он только раз спросил, куда едем, и, услышав «Заповедный лес», долго смотрел на Асю, а потом сказал:

— К ведьме, что ли?

— К ведьме, — согласилась Ася.

Старик хмыкнул и больше не проронил ни слова.

На развилке Марта спрыгнула с телеги. Она хотела что-то сказать — Ася видела, как она набирает воздух в грудь,

готовясь произнести какую-нибудь уверенную, насмешливую фразу. Но вместо этого Марта просто обняла её. Крепко,

неожиданно, так, что Ася почувствовала, как её собственная решимость немного пошатнулась.

— Если что — возвращайся, — сказала Марта в её плечо.

— Я не буду смеяться. Ну, почти.

— Не вернусь, — сказала Ася.

— Знаю, — сказала Марта. — Поэтому и боюсь.

Она отстранилась, махнула рукой и пошла назад, к городу, не оглядываясь. Ася смотрела ей вслед, пока фигурка не растворилась в утренней дымке.

Дальше дорога пошла хуже. Тракт закончился, началась просёлочная — узкая, с глубокими лужами, в которых плавали листья. Телега подпрыгивала на корнях, старик ругался сквозь зубы, лошадь фыркала и мотала головой. Постепенно берёзы сменились соснами — высокими, тёмными, с шапками мха на нижних ветвях. Воздух стал другим: густым, смолистым, с горьковатым привкусом. Ася вдыхала его полной грудью и чувствовала, как напряжение в плечах постепенно отпускает.

Потом закончилась и просёлочная. Старик остановил лошадь на узкой тропинке, зажатой между стволами, и сказал:

— Дальше не поеду.

— Почему? — спросила Ася.

— Потому что дальше — лес, — сказал старик так, будто это всё объясняло.

Он помог ей снять сундук — молча, быстро, не глядя в глаза, — и тут же дёрнул вожжи. Лошадь попятилась, фыркнула и развернулась так резко, что телега чуть не опрокинулась. Через минуту они уже скрылись за поворотом, и Ася осталась одна.

Она стояла на опушке и смотрела.

Лес был огромный. Не такой, как в академическом саду, где деревья росли ровными рядами, подстриженные и аккуратные, а живой, беспорядочный, древний. Сосны уходили вверх, к самому небу, и их кроны смыкались так плотно, что свет пробивался сквозь них только редкими косыми полосами. Между стволами лежал мох — мягкий, зелёный, с рыжими проплешинами, — и по нему были разбросаны шишки, сухие ветки и белые пятна лишайника на камнях. Пахло хвоей, сырой землёй и чем-то ещё — сладковатым, чуть дымным, как от давно погасшего костра. Где-то в глубине скрипнуло дерево — протяжно, медленно, будто лес вздохнул. Где-то ухнула птица. Потом ещё раз. И замолчала.

Ася поёжилась. Не от страха — от чего-то другого, большего. Лес смотрел на неё. Не враждебно, нет. Но внимательно. Как смотрит старый пёс на незнакомца, который вошёл во двор: пока не рычит, но и хвостом не виляет.

Она подхватила сундук — тот оказался тяжелее, чем она думала, — и сделала первый шаг.

Тропинка была узкая, еле заметная: кто-то ходил здесь давно, но не часто. Ася шла медленно, переступая через корни, и лес смыкался за ней, отрезая путь назад. Через сотню шагов опушка уже не просматривалась — только стволы, стволы, стволы, и зелёный полумрак между ними.

Она шла, наверное, с полчаса. Сундук оттягивал руки, скалка стучала о крышку, носки норовили вывалиться. Ася

остановилась передохнуть, поставила сундук на землю и огляделась.

Впереди был просвет. Между деревьями виднелась поляна — солнечная, широкая, с высокой травой и одиноким пнём посередине. А на краю поляны стояла изба.

Маленькая, с мохнатыми куриными лапами и окошками, похожими на глаза. Она стояла неподвижно, но Ася готова была поклясться, что изба смотрит на неё. Ножки у неё были длинные, с когтями, и она нервно переступала ими с места на место, как человек, который не может решить, убегать ему или здороваться.

Ася медленно опустила сундук на землю.

— Привет, — сказала она.

Изба скрипнула. Тихо, неуверенно.

— Я тут жить буду, — сказала Ася. — Ну, месяц. Наверное. Ты не против?

Изба скрипнула громче. Потом попятилась. Потом развернулась — и побежала.

Глава 1: «Изба, которая не хотела»

Изба бежала.

Ася стояла с открытым ртом, прижимая к груди сундук, и смотрела, как дом — настоящий дом, с крышей, трубой и окошками — несётся между соснами на мохнатых куриных ногах. Полы его хлопали на бегу, как крылья испуганной птицы, труба дымила, а из окошек сыпались искры — мелкие, золотые, они вспыхивали в полумраке леса и гасли, не долетая до мха.

— Стой! — крикнула Ася. — Куда ты!

Голос утонул в хвое. Изба не остановилась. Она свернула влево, обогнула старый пень — тот самый, с дуплом, похожим на открытый рот, — и скрылась за деревьями. Только хвоя осыпалась с ветвей, медленно кружась в косом луче света, да где-то в глубине леса обиженно скрипнуло.

Ася поставила сундук на землю. Мох под ним пружинил, мягкий и влажный, как губка. Она подобрала юбку — та уже успела намокнуть от росы — и побежала.

Бежать по лесу оказалось совсем не так, как по академическому саду. В саду были дорожки, посыпанные гравием, подстриженные кусты и таблички «Не ходить по газону». Здесь не было ничего. Только стволы — толстые, в трещинах коры, с наростами и мхом у корней, — и корни, ползущие по земле, как спящие змеи. Ася спотыкалась о них, хваталась

за ветки, которые хлестали её по лицу, и всё время видела впереди мелькание куриных лап и краешек крыши.

— Стой! — орала она. — Я не Баба-Яга! Я не буду тебя есть! Я вообще не ем избы! Я ем пироги!

Лес смыкался за ней. Чем дальше она бежала, тем темнее становилось — сосны стояли плотнее, их кроны смыкались высоко над головой, и свет пробивался только редкими полосами, в которых кружилась пыль и мошкара. Пахло смолой, сырой землёй и чем-то ещё — грибным, тяжёлым, как из погреба. Где-то ухнул филин. Где-то треснула ветка — громко, как выстрел, — и Ася вздрогнула, но не остановилась.

Изба неслась впереди. Она петляла между стволами, и её куриные ноги оставляли на мхе глубокие трёхпалые следы. Ася с ужасом поняла, что они бегают по кругу: вон тот пень с дуплом она уже видела, и вон ту корягу, похожую на спящего медведя, тоже. Лес издевался. Лес смотрел на неё — внимательно, как старый пёс, — и молчал, а изба носилась вокруг поляны, как курица, которой отрубили голову, только наоборот.

Ася споткнулась о корень и полетела вперёд.

Она упала в лужу. Лужа была глубокая — вода доходила до локтей, — и холодная, как из колодца. Ася села, отплёвываясь, и почувствовала, как грязь забилась под ногти, в волосы, за шиворот. Скалка вылетела из руки и укатилась в кусты. Сундук остался где-то далеко позади, и она даже не была уверена, что найдет его обратно.

Вокруг было тихо. Только капли падали с ветвей — тук, тук, тук — да где-то далеко, за деревьями, скрипнула изба. Тихо, виновато.

Ася посидела немного, глядя на свои грязные руки. Потом вытерла лицо мокрым рукавом, оставляя на щеке разводы, и вздохнула.

— Отлично, — сказала она вслух. — Просто отлично. Марта была права.

Лужа не ответила. Лес тоже молчал. Где-то в глубине, за стволами, мелькнул краешек крыши — изба остановилась и, кажется, наблюдала.

Ася поднялась, хлюпая мокрыми башмаками, и полезла в кусты за скалкой. Та лежала в траве, целая и невредимая, только цветок на ручке немного стёрся. Она погладила его пальцем — тёплый, деревянный, знакомый — и вдруг почувствовала, что очень хочет есть.

Сундук она нашла на удивление быстро. Он стоял там, где она его бросила, и даже не перевернулся. Ася открыла крышку — вещи внутри перемешались, но пирог, завёрнутый в полотенце, лежал сверху, целехонький. Она развернула полотенце. Пирог был ещё тёплый — она завернула его в два слоя, и он сохранил тепло.

Она отломила кусок, положила в рот и закрыла глаза.

Капуста. Лук. Немного перца. Тесто поднялось ровно, с хрустящей корочкой, как бабушка учила. Ася жевала медленно, чувствуя, как тепло расходится по телу, как отпуска-

ет напряжение в плечах, как грязь на руках перестаёт иметь значение.

Кто-то за спиной скрипнул.

Ася обернулась.

Изба стояла в десяти шагах от неё. Она вернулась. Она смотрела на пирог — точнее, на руки Аси — и её окошки были широко открыты, как глаза. Труба уже не дымила. Полы не хлопали. Изба стояла тихо, переступая с ноги на ногу, и её куриные лапы оставляли на мхе следы, которые тут же затягивались.

— Хочешь? — спросила Ася.

Изба скрипнула. Тихо, неуверенно.

Ася отломила ещё кусок и протянула.

— Держи. Только не ешь всё. Мне ещё на ужин остаться должно.

Изба подошла ближе. Понюхала — дверью, осторожно, как кошка, которая впервые видит незнакомую еду. Потом взяла кусок — аккуратно, краем двери, — и запихнула внутрь. Послышалось довольное чавканье. Потом ещё одно. Потом изба скрипнула так, что Ася поняла: вкусно.

— То-то же, — сказала она. — А теперь, — она поднялась, отряхивая юбку, — мы пойдём домой. Потому что я устала, я весь день в дороге, я упала в лужу, и я хочу спать. И я не буду за тобой бегать. Договорились?

Изба помолчала. Потом развернулась и медленно, вперевалочку, пошла к поляне. Ася подхватила сундук и пошла

следом, хлюпая башмаками.

Поляна оказалась большой и солнечной. Трава на ней была высокая — по пояс, — с ромашками и колокольчиками, и пахло мёдом и нагретой землёй. Над травой гудели пчёлы, тяжёлые, сонные, и где-то в глубине поляны трещал кузнечик. На краю поляны, под старой сосной, стояла изба — уже не бежала, уже не капризничала, просто стояла и ждала.

Ася подошла к крыльцу. Изба присела — низко, так, что ступеньки коснулись земли.

— Спасибо, — сказала Ася.

Она поднялась по ступенькам, открыла дверь и вошла.

Внутри было тепло. Пахло пылью и старым деревом, но в печи уже горел огонь — изба растопила его сама, пока Ася за ней бегала. Огонь был ровный, спокойный, и его свет ложился на стены длинными тенями. Стены были бревенчатые, тёмные от времени, с пучками сушёных трав под потолком — полынь, зверобой, мята. В углу стояла печь — большая, белая, с лежанкой и заслонкой. На полке — чугунки и горшки, все разного размера. У окна — стол, грубо сколоченный, но крепкий, с одной ножкой короче остальных, поэтому под неё была подложена щепка. На лавке лежало одеяло, сложенное в аккуратный квадрат.

Ася огляделась. Никого. Ни Бабы-Яги, ни кота, ни даже мыши.

— Ты одна тут живёшь? — спросила она.

Изба скрипнула. В этом скрипе было что-то грустное —

протяжное, как вздох.

— Понятно, — сказала Ася. — Я тоже. Ну, то есть я жила одна. В городе. А теперь вот тут.

Она разулась, бросила сундук в угол, повесила скалку на гвоздь у печи и огляделась в поисках бани.

Бани не было.

— А баня где? — спросила Ася.

Изба скрипнула и качнулась в сторону — куда-то на восток, за поляну.

— Там? — Ася подошла к окну, выглянула. Сквозь деревья, на самом краю поляны, виднелась маленькая покосившаяся постройка с трубой. Баня.

Она уже шагнула к двери, но изба скрипнула — резко, предупреждающе — и присела так, что ступеньки вжались в землю. Ася остановилась.

— Что? — спросила она. — Туда нельзя?

Изба скрипнула утвердительно. Потом качнулась в сторону бани и издала звук, который Ася не смогла разобрать: что-то среднее между скрипом и ворчанием. Дверь бани, далеко за поляной, в ответ хлопнула — громко, зло.

— Ага, — сказала Ася. — Значит, там кто-то есть.

Она подождала. Изба молчала. Дверь бани больше не хлопала, но и не открывалась. На крыльце, прямо перед входом, кто-то оставил старый веник — сухой, обтрёпанный, — и этот веник лежал поперёк дороги, как знак: не входить.

— Понятно, — сказала Ася. — Значит, помыться мне се-

годня не светит.

Она отошла от двери. Изба облегчённо скрипнула — тихо, как выдох.

Она вздохнула, налила воды из чугунка в таз — вода оказалась холодной, но чистой, — разделась и начала мыться. Быстро, чтобы не замёрзнуть, но тщательно: грязь из лужи была просто отвратительной, и Ася чувствовала её на коже даже после того, как смыла. Она плескалась, фыркала, растирала руки и лицо, и вода в тазу постепенно становилась серой. Изба тихонько скрипела, пока Ася мылась, и в этом скрипе было что-то похожее на любопытство.

— Не подглядывай, — сказала Ася.

Изба скрипнула — обиженно, но отвернулась. Окна закрылись ставнями.

Ася фыркнула.

— Вот так-то лучше.

Она вымылась, вытерлась полотенцем — тем самым, в которое был завёрнут пирог, — и надела чистую рубаху. Потом села на лавку, расчесала волосы пальцами и посмотрела на печку. Лежанка была большая, тёплая, с подушкой и одеялом. Одеяло было колючим, но чистым, и пахло сушёной мятой.

— Я туда? — спросила она.

Изба скрипнула утвердительно.

Ася забралась на печку. Лежанка была тёплой — печь ещё не остыла, — и Ася почувствовала, как тепло расходится по

спине, по ногам, по рукам. Она укрылась одеялом, положила голову на подушку и закрыла глаза. Где-то за стеной скрипело дерево — ровно, спокойно, живо, — и этот звук убаюкивал.

Завтра она найдёт реку, познакомится с нечистью, сварит зелье и, может быть, даже испечёт пирог. Или не испечёт. Завтра будет видно.

Сегодня она просто дома.

Она уже засыпала, когда почувствовала, как что-то мягкое опустилось ей на ноги. Приоткрыла один глаз.

Изба укрывала её вторым одеялом — тем самым, которое Ася оставила в сундуке. Она даже не заметила, как оно оказалось наверху.

— Спасибо, — пробормотала Ася.

Изба скрипнула тихо-тихо, почти неслышно. И это было похоже на «спокойной ночи».

Ася улыбнулась и закрыла глаза.

Она спала.

Глава 2: «Первая ночь»

Ася проснулась от холода.

Сначала она не поняла, что её разбудило. Было тихо — так тихо, что казалось, будто уши заложило. Только где-то под ухом капало: размеренно, медленно, с долгими паузами. Кап. Пауза. Кап. Пауза. И каждый звук отдавался в голове тупой, ноющей болью.

Она открыла глаза.

Потолок был тёмный, бревенчатый, с пучками сушёных трав под потолком — полынь, зверобой, мята. Вчера они пахли, а теперь выдохлись, и в избе стоял запах остывшей золы и старой пыли. Свет пробивался сквозь окошко мутным, водянистым — не то чтобы темно, но и не светло. Серое утро. Серое, холодное, без солнца.

Печка остыла. Лежанка, ещё вечером тёплая и уютная, теперь была холодной, как камень. Ася лежала, свернувшись клубком под двумя одеялами — колючим и вторым, которое Изба подложила ночью, — но всё равно дрожала. Нос замёрз. Ноги замёрзли. Пальцы не гнулись.

Она села. Одеяло сползло с плеч, и она тут же пожалела, что села. Холод пробрал до костей, до самого нутра, и Ася обхватила себя руками, растирая плечи.

— Изба, — сказала она хрипло. — Ты чего?

Изба не ответила. Только скрипнула — коротко, отрыви-

сто, — и Ася поняла: капризничает. Опять.

Она спустилась с печки, нащупала ногами холодный пол. Пол был ледяной, с шершавыми половицами, и Ася поёжилась, когда ступни коснулись дерева. Башмаки стояли у порога, мокрые и грязные, с комьями вчерашней грязи на подошве. Рубаха, в которой она спала, была мятой и пахла потом. Волосы растрепались и лезли в лицо.

Она выглядела — и чувствовала себя — как ведьма, которую вытащили из болота и забыли отжать.

— Ладно, — сказала Ася. — Ладно. Я всё понимаю. Новое место, новый человек. Стресс. Но давай договоримся: ты меня не морозишь, я тебя не поджигаю. Идёт?

Изба скрипнула. В этом скрипе было что-то похожее на «посмотрим».

Ася вздохнула и подошла к печи. Печь была большая, белая, с лежанкой и чугунной заслонкой. Заслонка была тяжёлая, с ручкой в виде кольца, и Ася потянула за неё. Та поддалась не сразу — скрипнула, заржавев, — но всё-таки открылась. Внутри было черно и холодно. Зола лежала серым слоем, и в ней ещё тлели угли — красные, как глаза, — но тепла от них было чуть.

Дрова лежали в углу — сухие, берёзовые, аккуратно сложенные. Ася взяла несколько поленьев, повертела в руках. Кора была шелковистая, с чёрными полосками, и пахла дёгтем. Бабушка учила её растапливать печь так: сначала щепки, потом поленья поменьше, потом побольше. «Не жалей

бересты, Асенька. Береста — это как доброе слово: с неё всё начинается».

Бересты не было. Ася поискала глазами — на полке, под полкой, в углу. Ничего. Изба скрипнула — и из-под лавки выкатился маленький берёзовый чурбачок, уже отщепленный, с отслоившейся корой.

— Спасибо, — сказала Ася.

Она положила щепки в печь, сверху — бересту, потом поленья поменьше. Береста занялась не сразу — Ася чиркнула кресалом раз, другой, третий. Искра упала на кору, та задымилась, почернела, и вдруг вспыхнула — робко, жёлтым язычком, — и вскоре в печи уже гудел огонь.

Ася сидела на корточках перед печью, протянув руки к теплу, и смотрела, как пламя лижет поленья. Огонь был живой, настоящий. Он трещал, стрелял искрами, и от него пахло дымом и берёзой. Постепенно холод отступал — сначала от рук, потом от лица, потом от всего тела. Ася закрыла глаза и позволила себе минуту просто посидеть, чувствуя, как тепло расходится по коже.

Изба скрипнула — на этот раз одобрительно.

— То-то же, — сказала Ася.

Пирог она решила печь сразу. Пока печь горячая, пока есть время. Пока тесто есть.

Она достала из сундука мешочек с мукой — небольшой, на пару раз, — узелок с солью и баночку мёда. Мука была своя, из Светлояра, смолотая на мельнице у старого Гната.

Она пахла пылью и немного — полем. Ася насыпала её в чугунок, добавила соли, налила воды из бочки — вода была холодная, колодезная, с металлическим привкусом, — и начала месить.

Тесто не хотело подходить. Оно липло к рукам, рвалось, крошилось. Ася месила долго, упрямо, чувствуя, как ноют плечи и как мука забивается под ногти. Потом вспомнила бабушку.

«Если тесто не подходит — поговори с ним».

Она фыркнула. Потом вздохнула и сказала:

— Ладно. Слушай. Я знаю, ты не хочешь. Новое место, холодно, мука не та. Но мне тоже нелегко. Давай помиримся? Я тебя в печь посажу, ты меня накормишь. Договорились?

Тесто молчало. Потом вдруг стало мягче — или ей показалось. Ася месила ещё немного, и постепенно оно стало гладким, упругим, тёплым. Она накрыла его полотенцем и оставила у печи.

Пока тесто подходило, Ася прибралась. Подмела пол — веник нашёлся за печкой, старый, но ещё крепкий, из прутьев, — протёрла стол, вымыла чугунок. Изба скрипела, наблюдая за ней, и в этом скрипе уже не было враждебности. Только любопытство.

Когда тесто поднялось — а оно поднялось, мягкое и пышное, с пузырьками на поверхности, — Ася раскатала его скалкой. Скалка стучала по столу, оставляя на тесте ровные бороздки. Сверху Ася положила немного мёда — ложкой,

аккуратно, чтобы не перелить, — и поставила противень в печь.

Пирог подошёл ровно, с золотистой корочкой. Ася вытащила его, положила на стол и отломила кусок. Горячий, сладкий, с медовым запахом. Она жевала и смотрела в окно, на серое утро, на мокрые сосны, на траву, блестящую от росы.

Изба скрипнула — тихо, просительно.

Ася отломила ещё кусок и положила на лавку.

— На. Только не всё. Мне ещё на обед.

Изба чавкнула. Довольно.

Вечером стало темно.

Темнота в лесу была другая, не такая, как в городе. В городе были фонари, окна, свечи в чужих домах. Здесь не было ничего. Только тьма — густая, чёрная, — и звуки. Где-то кричала птица — не уханье филина, а резкий, пронзительный крик, — и этот крик повторялся через равные промежутки, как будто кто-то считал. Где-то трещали ветки — сухо, коротко, — и Ася вздрагивала каждый раз. Где-то скрипело дерево — старое, протяжное, как стон.

Ася сидела на лавке, укрывшись одеялом, и смотрела на огонь в печи. Пирог она доела. Чай допила — из маленького чугунка, с мятой и мёдом. Спать ещё не хотелось.

Изба скрипнула.

Ася подняла голову.

— Что?

Изба скрипнула снова. Потом ещё раз. Скрип был другой

— не капризный, не любопытный, а тихий, грустный. Ася прислушалась. В скрипе была какая-то ритмичность — как будто Изба пыталась что-то сказать, но не могла.

— Ты… — Ася помолчала. — Ты по кому-то скучаешь?

Изба скрипнула утвердительно. И вдруг — Ася даже вздрогнула — из-под печи выкатился маленький клубок. Старый, пыльный, перевязанный выцветшей лентой. Ася подняла его, развернула. Внутри был платок — белый, с вышитыми васильками. И фотография. Старая, пожелтевшая, с обломанным углом. На ней стояла женщина — высокая, с длинной косой, в тёмном платье. Она улыбалась.

— Это она? — спросила Ася. — Баба-Яга?

Изба скрипнула. Тихо.

Ася посмотрела на фотографию. Женщина была красивая — не молодой, но красивой. С морщинками у глаз, с крепкими руками, с этой улыбкой, от которой становилось теплее.

— Она тебя бросила? — спросила Ася.

Изба скрипнула — резко, отрицающе. Потом опять грустно.

— Не бросила, — поняла Ася. — Она… ушла?

Изба скрипнула утвердительно.

— Куда?

Изба молчала. Потом скрипнула — так тихо, что Ася едва услышала. И в этом скрипе было что-то вроде «далеко» и «не вернётся».

Ася погладила бревенчатую стену. Шершавую, тёплую от

печи.

— Я не она, — сказала она. — Я не Баба-Яга. Я даже близко не такая. Я не умею летать в ступе. Я не умею колдовать так, чтобы лес слушался. Я даже пироги не всегда хорошо пеку. Но я… — она запнулась. — Я не брошу тебя. Обещаю. Месяц — это месяц. Но если я останусь… если я решу остаться… я не уйду, как она. Ладно?

Изба молчала.

Потом скрипнула — тихо, неуверенно.

И дверь открылась.

Сама. Без скрипа, без капризов. Просто открылась — и в избу влетел свежий воздух, ночной, прохладный, с запахом хвои и мха. Ася посмотрела на дверь. Потом на стену.

— Спасибо, — сказала она.

Изба скрипнула — коротко, по-деловому, — и дверь закрылась.

Ася улыбнулась. Забралась на печку, укрылась одеялами. Печь дышала теплом. Где-то за стеной скрипело дерево — ровно, спокойно. Изба больше не капризничала.

Она уже засыпала, когда почувствовала, что лежанка под ней стала теплее. Не сильно — просто тепло прибавилось, ровно, спокойно, как будто кто-то подбросил дров. Ася приоткрыла один глаз.

Заслонка печи была приоткрыта. Внутри гудело пламя — ровное, сытое. Изба растопила печь сама.

— Спасибо, — пробормотала Ася.

Изба скрипнула тихо-тихо, почти неслышно. И это было похоже на «спи».

Ася улыбнулась и закрыла глаза.

Глава 3: «Леший, который потерял посох»

Ася мыла посуду, когда в дверь постучали.

Она как раз вытирала чугунок — тот самый, в котором утром месила тесто. Тряпка была влажная, пахла мокрой мукой и золой, и Ася терла стенки чугунка с ожесточением, потому что тесто присохло и не хотело отходить. Вода в тазу была мутная, серая, с плавающими комочками муки.

Стук был странный. Не громкий, не требовательный — какой-то деревянный, глухой. Как будто по двери стучали не рукой, а веткой. Три раза, с паузами: тук. Пауза. Тук. Пауза. Тук.

Ася вытерла руки о полотенце — оно было уже грязным, но другого не было, — и подошла к двери. Изба скрипнула предупреждающе.

— Что? — спросила Ася. — Кто там?

Изба скрипнула коротко, успокаивающе. Ася взялась за скобу и потянула.

На пороге стоял старик.

Он был высокий — выше Аси на голову, — но сутулый, согнутый, как старая сосна под ветром. Длинная серая борода спускалась до пояса, и в ней запутались сухие листья, хвоинки и, кажется, одна шишка. Одет он был во что-то среднее

между кафтаном и рогожей — бурое, латаное-перелатаное, с заплатами из разных тканей: синей, зелёной, красной. На ногах — лапти, тоже бурые, стоптанные до дыр, с торчащими во все стороны лыковыми хвостами.

В руках он держал... ничего. Просто держал руки перед собой, растопырив пальцы, — длинные, узловатые, с корой под ногтями, — и смотрел на Асю так, будто она была последней надеждой.

Но больше всего её поразили очки. Они сидели у него на носу криво — одно стекло было треснутым, а дужка примотана берестой, — и всё равно он смотрел поверх них, а не сквозь.

— Ася? — спросил он.

— Ася, — подтвердила она.

— Ведьма?

— Ну... да. Вроде.

Старик облегчённо выдохнул — так, что борода колыхнулась, и шишка из неё выпала, — и шагнул через порог, не дожидаясь приглашения. Он прошёл в избу, огляделся — по-хозяйски, но без наглости, — и кивнул каким-то своим мыслям.

— Леший, — сказал он, протягивая руку. — Дядя Лёша. Можно просто Лёша.

Ася пожала руку. Ладонь у него была шершавая, как кора, и тёплая. Пальцы — сильные, с мозолями.

— Изба сказала, что ты приехала, — продолжал Леший,

оглядываясь. — Я думал, врёт. Она любит врать. Ну, не врать — преувеличивать. Говорит: «Ведьма приехала, пироги печёт». Я думаю: какая ведьма? Откуда? Баба-Яга уехала, новых не ждали. А потом смотрю — правда ведьма. Пирогом пахнет.

Он замолчал, принюхиваясь. Нос у него был большой, с горбинкой, и он водил им в воздухе, как собака.

— Это с мёдом? — спросил он.

— Был с мёдом, — сказала Ася. — Уже съели.

— Жалко, — сказал Леший. — Ну, ничего. Я по делу.

Он сел на лавку — тяжело, как мешок с мукой, — и лавка жалобно скрипнула. Изба скрипнула в ответ — возмущённо, но Леший не обратил внимания.

— Посох я потерял, — сказал он.

Ася подождала. Леший молчал.

— И? — спросила она.

— И всё, — сказал Леший. — Потерял. Без него лес не слушается. Тропинки путаются, зайцы не те бегают, шишки не туда падают. Бардак.

Он вздохнул так, что борода снова колыхнулась.

— А где вы его потеряли? — спросила Ася.

— Вот в этом и проблема, — сказал Леший. — Я не помню. Если только…

Он рассказывал долго.

Сначала — про то, как потерял посох в первый раз, триста лет назад. Это была история про то, как он пошёл за гриба-

ми, встретил медведя, который попросил у него мёда, а мёда не было, и медведь обиделся, и Леший пошёл искать мёд, и нашёл дупло, и залез в дупло, и там был мёд, но там были и пчёлы, и пчёлы его покусали, и он побежал, и посох остался в дупле. И он искал его два дня, а потом нашёл.

Ася слушала.

Она сидела на лавке, подперев голову рукой, и кивала в нужных местах. Она уже поняла, что Леший — из тех стариков, которые не могут просто сказать «я потерял посох». Им нужно рассказать всю историю своей жизни. С начала. С подробностями. С именами всех зайцев, которые были свидетелями.

— ...и вот я иду по тропинке, — говорил Леший, — а навстречу мне ёж. Старый ёж, я его знаю сто лет. И он говорит:

«Лёша, ты чего такой грустный?» А я говорю: «Посох потерял». А он говорит: «А где?» А я говорю: «Не помню». А он

говорит: «Ну ты и дурак». И пошёл дальше.

Ася кивнула.

— А потом я встретил белку, — продолжал Леший. — Она говорит: «Лёша, ты чего такой грустный?» А я говорю: «Посох потерял». А она говорит: «А где?» А я говорю: «Не помню». А она говорит: «Ну ты и дурак». И пошла дальше.

Ася кивнула ещё раз. Изба скрипнула — тихо, с сочувствием.

— А потом я встретил лису, — сказал Леший. — Она го-

ворит...

— Дядя Лёша, — перебила Ася. — А что вы делали в тот день, когда потеряли посох? Ну, перед тем как потерять?

Леший замолчал. Пожевал губами. Поправил очки — криво, так что одно стекло заехало на бровь.

— В тот день... — он задумался. — В тот день я зайца ловил. Молодой заяц был, шустрый. Украл мои очки — вот эти самые, — и я за ним гонялся. По всему лесу. Через овраг, через бурелом, через поляну с земляникой...

— С земляникой? — переспросила Ася.

— С земляникой, — подтвердил Леший. — У старого дуба. Там земляника растёт — лучше не бывает. Крупная, сладкая. Я туда каждый год хожу.

Ася помолчала.

— Дядя Лёша, — сказала она. — А вы посох у дуба не оставляли?

Леший посмотрел на неё поверх очков. Потом на стену. Потом снова на неё. В его глазах — серых, выцветших, как старая ткань, — что-то медленно повернулось.

— У дуба, — повторил он.

— У дуба.

— У старого дуба.

— У старого дуба.

Леший медленно поднялся. Лавка скрипнула — с облегчением.

— Пошли, — сказал он.

Старый дуб рос на краю поляны, в самой чаще.

Ася и Леший шли к нему через бурелом. Через коряги — мокрые, скользкие, покрытые мхом, — через поваленные стволы, через заросли папоротника, который хлестал по ногам своими резными листьями. Пахло сыростью, грибами и чем-то кисловатым — то ли от папоротника, то ли от старого дерева. Где-то вверху кричала птица — резко, пронзительно, — и Леший каждый раз поднимал голову и говорил: «Это сойка. Она у меня спрашивает, куда я иду. Я говорю: не твоё дело».

Ася не спорила.

Леший шёл впереди, раздвигая ветки посохом — точнее, тем, что у него было вместо посоха, то есть ничем, — и бормотал себе под нос.

— Я знал, — бормотал он. — Я знал, что он там. Я просто... забыл. Это возраст. В моём возрасте забывать — это нормально. Я не дурак. Я просто старый. Это разные вещи.

Он споткнулся о корень, но удержался.

— И потом, — продолжал он, — я не терял посох. Я его оставил. Это разные вещи. Терять — это когда не знаешь, где. А оставлять — это когда знаешь, но забыл. Это не потеря. Это... отсрочка.

Ася улыбнулась.

— Конечно, дядя Лёша.

— Вот именно.

Дуб был огромный. Ствол — в три обхвата, тёмный, с ко-

рой в глубоких трещинах, в которых росли мох и маленькие папоротники. Ветви уходили куда-то вверх, теряясь в хвое, и там, наверху, шумел ветер — ровно, спокойно. У корней, в траве, действительно росла земляника: мелкая, но красная, с запахом, от которого у Аси заурчало в животе.

— Ну? — сказала она. — Где посох?

Леший огляделся. Потом похлопал себя по карманам — по пустым, по латаным. Потом посмотрел на землю.

— Не вижу, — сказал он. — Очки, наверное, запотели.

Ася вздохнула. Она наклонилась, раздвинула траву у корней — мокрую, холодную, с каплями росы — и увидела его. Посох лежал под корягой, наполовину засыпанный листвой: длинный, деревянный, с набалдашником в виде головы какого-то зверя. Ася не сразу поняла, какого именно, — то ли медведь, то ли волк, то ли просто чурбан с ушами.

— Вот он, — сказала она.

Леший обернулся. Посмотрел. Поправил очки — на этот раз правильно, — и его лицо медленно расплылось в улыбке.

— Ага, — сказал он. — Точно. Он.

Он подошёл, взял посох — бережно, как ребёнка, — и вытер его от листвы. Кора на посохе была гладкая, отполированная временем, и набалдашник блестел на солнце.

— Спасибо, — сказал он. — Я бы сам нашёл. Но ты быстрее.

Ася улыбнулась.

— Не за что, — сказала она. — А земляника ваша?

Леший посмотрел на землянику. Потом на Асю. Потом снова на землянику.

— Бери, — сказал он. — Сколько унесёшь.

Ася несла землянику в корзине — Леший дал свою, старую, плетёную из ивы, с отломанной ручкой, — и думала о пироге.

Земляника была мелкая, но пахучая, и в корзине её было много — Леший не поскупился, — и Ася представляла, как раскатает тесто, как выложит ягоды, как посыплет сверху мёдом. Пирог поднимется в печи, золотистый, с пузырящимся соком по краям, и будет пахнуть так, что Изба заскрипит от восторга.

Изба ждала её на поляне. Дверь была открыта.

— Я вернулась, — сказала Ася. — Смотри, что у меня есть.

Изба скрипнула — любопытно. Окна открылись, ставни хлопнули.

Ася высыпала землянику на стол — ягоды покатились по дереву, красные, блестящие, — и принялась за тесто. Она месила его быстро, уверенно, уже не разговаривая с ним — оно и так подходило хорошо. Потом раскатала скалкой, выложила ягоды, полила мёдом и поставила в печь.

Пока пирог пёкся, Ася сидела на лавке и смотрела в окно. Леший ушёл — ушёл важно, с посохом, — и лес за окном, кажется, стал спокойнее. Тропинки больше не путались. Зайцы бегали как положено. Или Асе просто казалось.

Пирог подошёл ровно. Ася вытащила его, положила на стол и отломила кусок. Горячий, сладкий, с земляничным соком, который тёк по пальцам.

— Вкусно, — сказала она.

Изба скрипнула — согласно.

Ася отломила ещё кусок и положила на лавку.

— На. За то, что рассказала Лешему про меня. Даже если ты преувеличила.

Изба чавкнула. Довольно.

Глава 4: «Земляничный пирог и первый гость»

Леший вернулся через час.

Ася не успела даже убрать со стола. Она сидела на лавке, поджав ноги, и доедала свой кусок земляничного пирога. Пирог уже остыл, но был ещё вкусным: тесто схватилось, земляничный сок загустел и стал тёмно-красным, как вино, а корочка хрустела на зубах. На столе стоял пустой чугунок из-под чая, в котором плавали размокшие листья мяты, и лежала тряпка, которой Ася вытирала руки.

За окном серый день начал клониться к вечеру. Свет стал мягче, золотистее, и в нём кружилась пыль — мелкая, как мука. Изба тихонько скрипела, и её ставни были приоткрыты, чтобы впустить немного воздуха.

Стук был другой. Не глухой, деревянный, как в прошлый раз, а резкий, костяной — как будто по двери били чем-то тяжёлым и твёрдым. Тук. Пауза. Тук. Пауза. Тук.

Ася открыла.

На пороге стоял Леший. Посох был у него в руке, и он держал его уверенно, как хозяин — не как старик, который час назад потерял его под корягой. Борода у него была расчёсана — или хотя бы вытряхнута от листьев, — и очки сидели ровно. Но глаза были... голодные. Он смотрел не на Асю, а

куда-то мимо неё, вглубь избы, где на столе лежал последний кусок пирога — большой, с золотистой корочкой и загустевшим земляничным соком по краям.

— Я это, — сказал он. — Мимо шёл. Смотрю — пирогом пахнет.

— Вы только что ушли, — сказала Ася.

— Ну и что? Я мог передумать. Я старый, мне можно.

Ася вздохнула и отступила в сторону.

— Заходите. Пирог ещё остался.

Леший вошёл — важно, степенно, — и сел на лавку. Посох он поставил рядом, прислонил к стене, и лавка скрипнула под его тяжестью.

— Чаю хочешь? — спросила Ася.

— А есть?

— Есть. С мятой.

— Давай.

Ася налила чай в два чугунка — свой и Лешего. Чай был тёмный, почти чёрный, с мятным запахом, и от него шёл пар — густой, тёплый, с привкусом дыма. Она взяла последний кусок пирога и разломила его на две части — побольше для Лешего, поменьше для себя. Леший проводил кусок глазами, как кот — птицу.

Леший взял кусок. Понюхал — глубоко, с наслаждением, как нюхают хороший табак. Откусил. Прожевал медленно, с закрытыми глазами.

— Хорошо, — сказал он. — Очень хорошо. Баба-Яга так

не пекла.

— А она пекла?

— Пекла. Но у неё всё с мухоморами было. Грибы, грибы, грибы. Я не жалуюсь — мухоморы полезные, — но земляника это... — он зажмурился, — это другое.

Он откусил ещё раз.

Они пили чай молча. Изба тихонько скрипела — довольно, уютно, — и её ставни были приоткрыты, чтобы впустить немного света. За окном шелестел лес — ровно, спокойно, как дышит старый пёс во сне. Где-то далеко крикнула птица. Где-то треснула ветка. И снова тишина.

— Дядя Лёша, — сказала Ася, — а расскажите мне про лес. Кто тут живёт? С кем вы ссоритесь? С кем дружите?

Леший оживился. Он поставил чугунок на стол — бережно, чтобы не расплескать, — вытер рот рукавом и подался вперёд.

— О, — сказал он. — Это ты правильно спросила. Это ты очень правильно спросила.

— Начнём с реки, — сказал Леший. — В реке живёт Водяной. Дядя Витя. Мужик хороший, но обидчивый. Очень обидчивый. Чуть что — сразу в бутылку. Ну, в омут. Он у нас забастовщик. Как что не по нему — сразу воду мутить начинает. Рыба дохнет, русалки жалуются. А он сидит в омуте и дуется.

— А почему он бастует? — спросила Ася.

— Люди, — сказал Леший. — Люди мусор кидают. В ре-

ку. Бутылки, тряпки, какие-то железки. Он сначала терпел, потом перестал. Говорит: «Пока не уберут — не буду воду чистить». А кто уберёт? Люди не убирают. Русалки не хотят. Вот он и бастует. Уже месяц.

Ася откусила пирога.

— А русалки? — спросила она.

— Русалки — это отдельная история. Их три. Мила, Дуня и Люба. Сёстры. Мила — старшая, она у них за главную. Устала она, бедная. Дуня — средняя, мечтательная. Влюбилась в рыбака из соседней деревни, а он не знает. Люба — младшая, вредная. Вредная, потому что её никто не замечает. Она думает, что если будет вредничать, то её заметят. А её не замечают. Потому что вредничать — это не способ быть замеченной. Это способ быть... — он пожевал губами, — ...незамеченной. Но громко.

Ася кивнула.

— А ещё кто?

— Кикимора, — сказал Леший. — Кика. Она у нас... — он замялся, — ...сложная. Захватила баню. Не пускает никого. Говорит: «Это моя баня». А баня не её. Баня общая. Но она там живёт. И никого не пускает. Я пытался с ней говорить — она меня веником отходила. Веником! Меня! Лешего!

Он потряс посохом.

— А почему она не пускает? — спросила Ася.

— Боится, — сказал Леший. — Она думает, что если она будет страшной, то её не выгонят. А если она будет доброй

— выгонят. Глупая. Кто её выгонит? Она баню охраняет. Без неё баня сгниёт.

— А вы ей это говорили?

— Говорил. Она меня веником.

Ася вздохнула.

— А ещё кто?

— Кот, — сказал Леший. — Кот Баюн. Сидит на дубе. Записывает всё. Сплетничает. За сметану расскажет всё, что знает. И всё, что не знает, — тоже расскажет. За сметану.

— Он опасный?

— Он ленивый, — сказал Леший. — Это хуже.

Он рассказал ещё про болотников — «они тихие, но воняют»; про полевиков — «они маленькие, но вредные, путают колосья»; про полудниц — «они красивые, но если тебя в полдень в поле застанут — замучают до смерти, а потом сами же и пожалеют». Ася слушала и ела пирог.

Пирог заканчивался.

— Дядя Лёша, — сказала Ася, — а почему вы всё это терпите?

Леший посмотрел на неё.

— Что терплю?

— Ну, это всё. Бардак. Водяной бастует. Кикимора баню заняла. Русалки ноют. Кот сплетничает. Почему вы не разберётесь?

Леший помолчал. Потом вздохнул — тяжело, так, что борода колыхнулась.

— Я старый, — сказал он. — Я устал. Я посох теряю. Я очки теряю. Я зайцев ловить не могу. Какой из меня хозяин? Я лес люблю. Я его знаю. Каждое дерево, каждый куст, каждую тропинку. Но порядок навести... — он махнул рукой. — Это не моё. Это молодых. А молодые... — он посмотрел на Асю. — Молодые не хотят. Или не умеют. Или не знают, с чего начать.

Ася молчала.

— А ты, — сказал Леший, — ты ведьма. Ты умеешь. Ты пироги печёшь. Ты с Избой договорилась. Ты посох нашла. Ты... — он замялся. — Ты можешь.

— Я не хочу, — сказала Ася. — Я вообще-то отдыхать приехала.

— Отдохнёшь, — сказал Леший. — Потом. Сначала — порядок. А потом — отдых.

Ася посмотрела на него. Потом на Избу.

Изба скрипнула — тихо, выжидающе.

— Я не обещаю, — сказала Ася. — Но я попробую. С Водяным поговорю. С Кикиморой поговорю. Но если она меня веником — я уеду. Обратно в Светлояр. И буду мыть посуду Марте. Год.

Леший улыбнулся — впервые за всё время. Улыбка была хитрая, довольная, как у кота, который стащил сметану.

— Не уедешь, — сказал он. — Ты же ведьма.

Он ушёл через час. Забрал посох, и вышел, насвистывая что-то старое, лесное. Дверь за ним закрылась сама — Изба

постаралась, — и в избе стало тихо.

Ася осталась одна.

Она сидела на лавке, смотрела на пустой стол и думала. На столе остались крошки от пирога — мелкие, золотистые, — и пустой чугунок, в котором плавали размокшие листья мяты. Пахло остывшим чаем и земляникой.

Водяной бастует. Кикимора заняла баню. Русалки ноют. Кот сплетничает. А она, Ася, должна всё это разгребать. Она, которая приехала отдыхать. Она, которая хотела посидеть в тишине, почитать, поварить зелья для себя.

— Ну и влипла, — сказала она вслух.

Изба скрипнула — согласно.

— Ты-то чего скрипишь? — спросила Ася. — Ты же меня сюда заманила.

Изба скрипнула — обиженно.

— Ладно, ладно. Не заманила. Просто... так вышло.

Она вздохнула. Потом встала, убрала со стола, вымыла чугунки. Вода в тазу была холодная, и Ася морщилась, когда опускала в неё руки. Потом села на лавку и стала думать, с кого начать.

С Водяного, наверное. Вода — это важно. Без воды ни чаю не попьёшь, ни помоешься.

— Завтра, — сказала она. — Завтра пойду к реке. Поговорю с Водяным.

Изба скрипнула — одобрительно.

Ася улыбнулась.

— Ну вот. Хоть ты меня поддерживаешь.

Она забралась на печку, укрылась одеялом и закрыла глаза. Печь была тёплой, одеяло колючим, но уютным. Завтра будет трудный день. Завтра она будет разговаривать с Водяным. С обидчивым, вредным, забастовавшим Водяным.

Но сегодня она просто дома.

Глава 5: «Водяной, который обиделся»

Утром Ася проснулась от запаха.

Не пирога, не трав — чего-то сырого, тяжёлого, с гнильцой. Запах выполз из-под двери, как туман, и расползся по избе, липкий и въедливый. Он забился в углы, осел на подушке, пропитал одеяло. Ася села на печке, потянула носом — и поморщилась. Пахло тиной. Мокрой, застоявшейся тиной, которая растёт на дне пруда, где вода не двигается, где плавает ряска и квакают лягушки.

Она спустилась с печки, натянула башмаки — они уже высохли, но были жёсткими, с белыми разводами от вчерашней лужи, — и подошла к окну.

Стекло было мутным. Не изнутри — снаружи. На нём осели капли, зеленоватые, тяжёлые, и по ним ползли тонкие струйки, оставляя грязные следы. Ася потрогала стекло пальцем. Влажно. И пахнет — тиной.

— Изба, — сказала она. — Ты чего?

Изба скрипнула — растерянно, неуверенно. Ставни приоткрылись, впустили немного света, и Ася увидела, что окна запотели не только снаружи, но и изнутри. По стеклу ползли капли, и в них — она пригляделась — плавали крошечные зелёные точки. Ряска. Ряска в каплях на стекле. Так не бы-

вает.

Ася накинула платок — старый, бабушкин, с вышитыми васильками, — и вышла на крыльцо.

Утро было серое, но не холодное. Пахло сыростью. Трава на поляне блестела от росы, и в этой росе — Ася присела, потрогала — плавали зелёные точки. Ряска в росе. Ряска на траве. Ряска везде.

— Ну и дела, — сказала Ася.

Она постояла на крыльце, глядя на лес. Лес молчал — но не так, как раньше. Раньше он молчал спокойно, сонно. Теперь в этом молчании было что-то недовольное, как у человека, у которого заболел зуб.

Ася вздохнула и вернулась в избу. Если идти к реке — а идти было надо, — то не с пустыми руками. Бабушка говорила: «К водяному без пирога не ходят. Обидится — хуже будет».

Она достала из сундука рыбу — солёную, вяленую, ту самую, что привезла из Светлояра. Рыба была завёрнута в тряпицу, твёрдая, как деревяшка, и пахла солью и дымом. Ася взяла две штуки — небольшие, с ладонь, — и положила в чугунок с водой: пусть размокнет, пока тесто подходит.

Мука была своя, из Светлояра, смолотая на мельнице у старого Гната. Ася насыпала её в чугунок, добавила соли, налила воды из бочки — холодной, колодезной, с металлическим привкусом, — и начала месить. Тесто поддавалось легко, уверенно, как будто знало: сегодня важный день. Ася ме-

сила и думала.

Водяной. Дядя Витя. Обидчивый, вредный, забастовавший. Леший сказал: «Чуть что — сразу в бутылку». Ну, в омут. Значит, нужно быть осторожной. Не ругаться. Не спорить. Слушать. И кормить.

Она раскатала тесто скалкой, разложила рыбу — размокшую, мягкую, уже не такую солёную, — и защипала края. Пирог получился большой, круглый, с золотистой корочкой, которая должна была получиться в печи. Ася поставила его в печь и села ждать.

Пока пирог пёкся, она прибралась. Подмела пол, протёрла стол, вымыла чугунок. Изба скрипела — тихо, одобрительно, — и её ставни были приоткрыты, чтобы впустить немного света. За окном по-прежнему пахло тиной.

Пирог подошёл ровно. Ася вытащила его, завернула в тряпицу — горячий, пахнущий рыбой и дымом, — и положила в корзину. Сверху накрыла полотенцем.

— Ну, — сказала она. — Пошли.

Изба скрипнула — напутственно.

Тропинка вилась между соснами — мягкая, устланная хвоей, — и постепенно уклон становился всё заметнее. Земля сползала вниз, к воде, и на ней появлялись мокрые пятна, тёмные, с зелёным налётом. Ася шла медленно, вдыхая утренний воздух, и с каждым шагом запах тины становился сильнее. Он уже не просто висел в воздухе — он лип к одежде, к волосам, к коже.

Река показалась неожиданно. Между стволами мелькнула серая полоса — вода, — и Ася вышла на берег.

Она остановилась.

Река была больная. Вода стояла неподвижно, покрытая зелёной плёнкой — тиной, ряской, ещё какой-то дрянью, — и в этой плёнке плавали бутылки. Стеклянные, тёмные, с отбитыми горлышками. Тряпки — серые, размокшие, бесформенные. Какие-то железки, ржавые, кривые, торчащие из воды, как кости. И запах — густой, сладковато-гнилой, от которого сводило желудок и слезились глаза.

Ася присела на корточки у кромки воды. Зачерпнула ладонью — вода была мутная, тёплая, и на ладони остался зелёный налёт. Она вытерла руку о траву, но налёт не сошёл. Только размазался.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.